

К проблеме современности в контексте восприятия исторического времени

В статье представлена попытка соотнесения современности как эпохи с пониманием ее в качестве индивидуального переживания на примере восприятия исторического времени. Выделен ряд черт восприятия времени, которые З. Бауман и Ю. Хабермас представляют как специфические характеристики эпохи Модерна/Нового времени. Проведенный анализ показал, что только часть из предлагаемых черт в восприятии времени могут быть отнесены к сдвигам, определяющим особенности эпохи (появление технических средств передвижения, приборов для измерения времени и т. д.) Другие стоит отнести к свойствам индивидуального переживания современности, в частности интенсивность переживания «сейчас», которое возможно в разные эпохи и выступает как указание на культурные сдвиги. При этом ощущение времени как уникального, ускоренного стоит рассматривать в контексте «абберации близости», определяемой как склонность к преувеличению значимости событий, более близких во времени. Здесь также необходимо учитывать степень осведомленности наблюдателя о событиях, выходящих за пределы его повседневного опыта, и теоретическую подготовку к его осмыслению, включая глубокое знание истории других культур, без которой возникает «абберация дальности», как недооценка событий прошлого.

Ключевые слова: современность; историческое время; Новое время; индивидуальное переживание; интенсивность переживания «сейчас».

Современность, ее специфика, ее особые проблемы, возможность постановки и решения задач – это то, что не теряет актуальности. Условно можно выделить три подхода к пониманию современности: 1) это текущий момент, «сейчасность» «со-присутствие в абстрактной единице “астрономического” времени» (определение Б. Г. Капустина) [5, с. 13], 2) это эпоха, 3) это индивидуальное переживание современности. Первая трактовка современности особых обсуждений не вызывает. Вторая является наиболее обсуждаемой, идет ли речь о конкретной единственной эпохе (Модерн, или Новое время), начало которой разные исследователи относят то к 1500 г. (Г. В. Ф. Гегель), то к середине XIX в. (Т. В. Адорно) в зависимости от того, какими критериями для ее выделения они пользуются; наиболее распространенная точка зрения связывает ее наступление с XVII в. Кроме того, рассматривается ее деление на периоды или конец, связанный с такими явлениями, как Новейшая история и Постмодерн; или это тип общества, переживающего столкновение с проблемой, вызовом, содержание которого может быть разнообразным (Капустин, с. 16). В третьем смысле самосознание может принадлежать к одной-единственной эпохе (как специфичное, характерное лишь для нее); или как периодически встречающееся на определенных этапах, соотносящее себя с прошлым и осознающее себя как «новое» в отношении со старым (Г. Р. Яусс); но может быть рассмотрено и как возможное в разные эпохи для отдельных личностей, которые и являются современными (А. В. Павлов).

Интерпретации современности как эпохи и как индивидуального переживания не противоречат друг другу и вполне могут сочетаться. В таком случае возникает ряд вопросов: возможно ли отличить собственные характеристики эпохи от специфики индивидуального переживания современности? Если да, то как индивиду-

---

* Елена Александровна Фоминых, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург).

альное переживание влияет на оценку событий? Поиск ответов на эти вопросы и будет занимать нас в данной статье. Поскольку материал по проблеме очень обширен, остановимся лишь на одном аспекте современности: восприятию исторического времени.

За характеристиками специфики восприятия времени в эпоху Нового времени обратимся к таким авторитетным авторам, как З. Бауман и Ю. Хабермас, в работах которых интересующие нас характеристики представлены в концентрированном виде. Безусловно, есть немало иных текстов, однако в силу небольшого объема статьи мы оставляем их за пределами нашего внимания.

В ставшем классическим труде «Текущая современность» З. Бауман высказывает мысль о том, что современность начинается, когда пространство и время отделяются от жизненной практики и выступают как не связанные между собой стратегии, они имеют однозначное соответствие. В современности время получает историю в связи с изменением длины пространства, которая может быть преодолена за единицу времени. Идея скорости предполагает изменчивость отношений между пространством и временем. Использование механизмов вместо конских ног привело к разрушению прежних ограничений [2, с. 15]. Далее Бауман развивает эти мысли и отмечает, что отделение времени от пространства стало возможным, когда с изобретением механизмов оно стало управляемым, с пространством этого не случилось. Прежнее «пользовательское» обеспечение не давало никому преимуществ в перемещении, «аппаратное обеспечение» стало источником конкуренции и неравенства. Бауман дает следующее определение современности: «...это такое время, когда время имеет историю» [2, с. 120]. И далее продолжает: «Современность была рождена под звездами ускорения и завоевания земли, а эти звезды образуют созвездие, которое содержит всю информацию о ее характере, поведении и судьбе» [2, с. 123]. На следующем витке, с возникновением мира «программного обеспечения», пространство становится доступным в любой момент из любой точки, оно может быть пересечено в «нулевое время» и потому теряет свою ценность. Развивая мысли Коэна, Бауман пишет, что это «новая неуместность пространства, замаскированная под полное уничтожение времени» [2, с. 128]. Поскольку ценность пространства определялась временем, которое требовалось на его преодоление, то теперь стерлось всякое различие в ценности пространства. Впрочем, Бауман отмечает некоторую иллюзорность данного построения, указывая на то, что каким бы малым ни было время, затрачиваемое на преодоление пространства, оно не исчезло вовсе, и какими бы мощными ни были процессоры, они все же тратят время на вычисления, подлинная мгновенность не достигнута.

Ю. Хабермас вслед за Г. Р. Яуссом отмечает, что слово «modernus» начало употребляться с конца V века для разграничения христианской современности и римско-языческого прошлого. Позднее термин «modernitas» употребляется для указания на разрыв, на переход от «старого» к «новому», и всякий раз речь идет о различных трансформациях культуры, которые субъективно переживаются сходным образом. Хабермас пишет: «И это касается не только Ренессанса, с которого начинается Новое время для нас. Люди считали себя “современными” (modern) и в эпоху Карла Великого, и в XII веке, и в эпоху Просвещения, т. е. всякий раз, как в Европе через обновленное отношение к древним формировалось сознание той или иной новой эпохи» [7, с. 8].

В следующей работе, развивая тему модерна, Хабермас переходит к анализу дискурса современности как эпохи. Он отмечает, что модерн становится философской проблемой в работах Г. В. Ф. Гегеля, который ставит себе целью постижение мысли своего времени. Для философа на первое место выступает субъективность, именно в ней видится специфика эпохи: «Величие нашего времени в

том, что признана свобода, собственность духа, заключающаяся в том, что он есть в себе и у себя» [8, с. 17]. Далее Хабермас переходит к анализу взглядов В. Беньямина, которые характеризует следующим образом: «Беньямин так резко разворачивает вокруг оси “сейчасного времени” характерную для Нового времени радикальную ориентацию на будущее, что она превращается в еще более радикальную ориентацию на прошлое» [8, с. 23]. Философ разрабатывает понятие «сейчас» как предельно насыщенное, наполненное ожиданием обновления. Далее Хабермас обращается к идеям Р. Козеллека, который обосновывает ориентацию Нового времени на будущее, которое возникло после разрушения прежних установок крестьянского мира и привело от ориентации опыта предков к ориентации на опыт прогресса. При этом Хабермас подчеркивает, что открытость современности к будущему определяет доступ и само отношение к прошлому. С одной стороны, современность связана с прошлым «цепью общей сквозной судьбы», с другой стороны, при этом доминирует «горизонт ожидания». Беньямин, по мнению Хабермаса, переворачивает изложенное выше соотношение. И тогда прошлое описывается как наполненное несбывшимися ожиданиями, в то время как настоящее наполняется таким переживанием прошлого, что его накал приближается к «мессианской силе».

Выделим значимые характеристики изменений понимания времени, предлагаемые Бауманом и рассмотренные Хабермасом. Бауман отмечает: 1) отделение времени от пространства; 2) подчинение времени, 3) возникновение идей скорости и ускорения, 4) появление истории времени. Хабермас выделяет: 1) философское самосознание и обоснование эпохи, 2) интенсивность наполненности переживания «сейчас», 3) ориентацию на будущее, 4) перевернутую связь прошлого с настоящим.

Для дальнейшего разбора этих представлений о времени введем два важных замечания. Первое связано с исторической дистанцией, которая влияет на восприятие времени, второе касается неоднородности носителей культуры.

О. Шпенглер в «Закате Европы», рассуждая о принятой периодизации истории, указывает на проблему дистанции, т. е. преувеличение значимости недавних событий: «XIX столетие кажется нам бесконечно более богатым и важным, чем, скажем, то же столетие до Р. Х., но ведь и Луна кажется нам большей, чем Юпитер и Сатурн» [9, с. 249]. Подобное искажение связано с предрассудками, увязанными с определенной позицией наблюдателя, которую Шпенглер характеризует как случайно-современную, обусловленную «сиюминутно значимыми идеалами и интересами».

Позднее эту проблему вновь поднимает Л. Гумилев и вводит понятия «абerrация близости» и «абerrация дальности». Под первой понимается искажение восприятия времени, ведущее к оценке близких событий как более значимых по сравнению с более дальними [3, с. 155]. Вторая предполагает преуменьшение значимости удаленных эпох [3, с. 161]. Ученый показывает, что в любую эпоху можно обнаружить свидетельства переживания текущих событий как масштабных, особо значимых по отношению к предшествующему культурному опыту. При этом значимость эпохи измеряется интенсивностью изменений, происходящих в культуре, и здесь значение могут иметь явления разнопорядковые: «На самом деле история Китая развивалась не менее интенсивно, чем история стран Средиземноморского бассейна. Но, чтобы увидеть эту страстную напряженность жизни этносов, возникавших и пропадавших на территории Китая, надо оторваться от любования предметами искусства и зигзагами абстрактной мысли и последовательно проследить перипетии тысячелетней войны на рубеже Великой стены с кочевниками Великой степи» [3, с. 162–163].

Еще один момент, который следует учитывать, – это огромная дистанция, которая существует между осмыслением мира интеллектуалом и простецом, если принимать терминологию и деление, используемое в медиевистике. Большинство письменных свидетельств о самосознании эпохи принадлежат художникам и ученым, людям, которые специально занимались определенными вопросами, а потому переносить их взгляды на простых людей можно только условно [4, с. 8–10].

Вернемся вновь к характеристикам времени, выделенным Бауманом.

Вопрос об отделении времени от пространства представлен Бауманом следующим образом. Он утверждает, что старая система, увязывавшая эти две категории, перестала действовать, и приводит следующий пример: на вопрос «Как далеко отсюда?» в прежние времена можно было услышать ответ «Около часа хода или немного меньше, если идти быстрым шагом»; сегодня ответу будет предшествовать уточнение: «У Вас автомобиль? Или Вы пойдете пешком?» Безусловно, знания физики у людей присутствуют, однако невозможно согласиться с тем, что подобный способ отвечать для повседневного сознания утратил свое значение. Даже если мы уточняем, на автомобиле намерен передвигаться наш собеседник или пешком, разрыв в представлениях о перемещении будет не столь велик, если предположить уточняющий вопрос, намерен ли он совершить путешествие верхом на лошади или пешком. Можно предположить, что представление о различной скорости преодоления пространства существовали и до появления технических средств передвижения. Иное дело, что скорости эти действительно выросли и постоянно идет работа над их увеличением. При этом в повседневной жизни отнюдь не произошло полного отказа от прежнего способа отношения между пространством и временем. Мы продолжаем ходить пешком дома, на работе, в магазине, то есть существуют пространства, где продолжает использоваться исключительно «пользовательское обеспечение». У нас не вызывают непонимания указания «в пяти минутах ходьбы», «в получасе езды на машине». При этом, что характерно, указания на модель машины совсем не требуется, вероятно, по той причине, что правила дорожного движения местами уравнивают возможности мощного автомобиля с его менее резвым собратом. Если посмотреть на перемещения при помощи общественного транспорта, то также можно сделать любопытное наблюдение. Так, расстояние между Екатеринбургом и Москвой на самолете преодолевается примерно за 2 часа, на поезде в среднем за 28 часов: не видно никаких разительных перемен за последние полстолетия. Остается предположить, что и развитие техники идет постепенно, скорости перемещения успешно сохраняются в течение длительных сроков, что позволяет к ним привыкнуть и до определенной степени на бытовом уровне воспринимать как аналогичный дотехническому набор соотношений пространства/времени.

Следующий пункт связан с получением человечеством власти над временем. С одной стороны, речь идет о достижениях в развитии науки, предоставившей возможность измерять время с высокой точностью. С другой стороны, вместе с вхождением в обиход механических часов появилась возможность более точно планировать свое время, а отсюда возникла замечательная фраза Б. Франклина «Время – это деньги». Власть над временем позволяет подчинять пространство. Но как это коррелирует с повседневным опытом? Чувствует ли себя победителем пространства и управляющим временем житель мегаполиса, который стоит в «пробке» или ждет застрявший где-то трамвай? Безусловно, у него есть представление о времени и необходимость в него уложиться, но не оказывается ли при этом, что время и пространство продолжают сопротивляться, а идея господства над ними остается только недостижимой мечтой? Постоянная публикация все новых руководств по тайм-менеджменту служит в пользу этой мысли.

Следующий момент связан с возникновением идей скорости и ускорения. Действительно, появление машин привело к увеличению скорости перемещения, но опять же возникает вопрос: в какой степени обыватель XXI века может оценить разницу между «днем конного пути» и преодолением того же расстояния на поезде? Учтем, что скорость движения поездов не меняется продолжительное время, а появление скоростных «ласточек» добавляет еще один вариант перемещения между тем же поездом и самолетом. Возможно ли в наши дни пережить то же впечатление от смены лошадей на паровозы, как было в XIX в.? Ощущает ли в этих условиях обыватель ускорение времени именно через скорость перемещения в пространстве? Или ускорение для него увязывается со скоростью работы гаджетов? Иными словами, не происходит ли очередная смена параметров измерения интенсивности жизни, не относится ли скорость к «сиюминутным идеалам» по Шпенглеру? Скорость в повседневной жизни связана с перемещением в пространстве, с работой электронной почты, появлением интернет-магазинов, онлайн-банков и т. д. Это удобно, это экономит время, но является ли ускорение отдельных операций ускорением времени на фоне медленного развития сфер этики и права?

Следующий пункт, касающийся истории времени, отчасти увязывает идеи Баумана и Хабермаса. Это вопрос об уникальном самосознании эпохой самой себя, обнаружении и обосновании своей специфики. Для сравнения с рассмотренными выше идеями Гегеля и Беньямина приведем всего один пример из текста другой эпохи. Так, историк Полибий пишет о своем времени: «Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело <...> И в самом деле, изобретая много нового и непрестанно проявляя свою силу в жизни людей, судьба никогда еще по настоящее время не совершала ничего подобного и не давала такого свидетельства своей мощи» [6]

Здесь стоит отметить, конечно, что текст не носит философского и столь фундаментального характера, как изыскания, приведенные ранее. Здесь также нет черт, полагаемых характеристиками эпохи Нового времени. Однако здесь налицо осознание собственного времени как специфического, уникального, особо значимого на фоне предыдущей истории, здесь также есть указание на силу, которая управляет жизнью людей. Отсюда можно сделать вывод, что вопрос об уникальности своего времени на фоне истории уже ставился и задолго до Нового времени, хотя ответы были иными.

Следующего пункта – интенсивности переживания времен – мы уже касались в связи со взглядами О. Шпенглера и Л. Гумилева, которые предлагают учитывать разные формы наполнения времени, которые обеспечивают интенсивность переживания своей эпохи. В этой парадигме и судьба, подчинившая все цели завоевания Римом всей ойкумены по Полибию, и достижение познания своей свободы и возвращение к себе Абсолютного Духа по Гегелю, и возникновение нового искусства, порождающего модерн как «отрицание того, что уже не имеет права на существование» по Адорно [1, с. 34], и многие другие феномены, при всем их несходстве, могут рассматриваться как сопоставимые по интенсивности переживания.

Вопросы об ориентации на будущее и о связи прошлого с настоящим мы рассмотрим вместе, а для создания контекста вновь обратимся к работе Гумилева. Он увязывает восприятие времени в культуре со стадиями существования этносов. Первую он называет «пассеизм» и характеризует как ощущение приращения прошлого, носители такого восприятия времени полагают, что продолжают тра-

диции предков, хотя и создают нечто новое в действительности. Следующая стадия – актуализм, при котором люди сосредоточены на своем «здесь и сейчас» и не хотят знать ни прошлого, ни будущего. Третий тип восприятия времени, футуризм, предполагает отказ от прошлого и настоящего во имя будущего: «Прошлое отвергается как исчезнувшее, настоящее – как неприемлемое, реальной признается только мечта» [3, с. 98]. На четвертой стадии интерес ко времени исчезает полностью.

Безусловно, отождествление направленности в будущее в восприятии эпохи Нового времени с футуризмом Гумилева выглядит достаточно спорно. Тем не менее на уровне постановки проблемы видится вполне возможным: поиск указания на состояние культуры через ее отношение ко времени, через анализ отношения прошлого и современности может быть интересен и достоин отдельного исследования.

В качестве итога вышесказанному отметим, что отделение времени от пространства представляется не столь радикальным и многие черты этого отношения сохраняются только в другом наборе скоростей перемещения. Что касается власти над временем, то и она достаточно условна и касается лишь некоторых областей. Далее, не вполне понятно, как измерять изменения в глобальной перспективе, ведь речь идет об изменениях, доступных специалисту, а не простому обывателю, для которого этот опыт недоступен. Но тогда возникает вопрос: в какой степени можно говорить об ускорении времени, если многие изменения в повседневном опыте не представлены, т. е. не существуют для большинства людей? Что касается осознания уникальности своей эпохи на фоне всего исторического процесса, то подобные прозрения случались и до Гегеля, хотя имелись в виду иные смыслы, иные параметры для обоснования беспрецедентной значимости именно своего времени. Собственно, интенсивность переживания «сейчас» характерна не только для Нового времени, но и для любой эпохи больших перемен. При этом специфичность восприятия времени как открытости будущему, особая связь прошлого и современности, характерная для эпохи Нового времени, может быть пересмотрена в контексте интерпретации восприятия исторического времени Гумилевым как указания на возраст и состояние культуры.

Таким образом, попытка разграничения собственных черт эпохи и специфики субъективного восприятия современности в аспекте временных характеристик является скорее постановкой проблемы, чем обнаружением удовлетворительного ответа на нее. При этом стоит отметить, что ряд черт, интерпретируемых авторами как свойство исторического периода, сохраняет свое значение, другие же оказываются под вопросом при анализе и сопоставлении с описанием восприятия своего времени в другие эпохи. Представляется, что дальнейший поиск в предложенном направлении может стать плодотворным и затронуть иные аспекты восприятия современности.

Литература

1. Адорно Т. В. Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. – М. : Республика, 2001. – 527 с.
2. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – М. : Рольф, 2001. – 560 с.
4. История уродства / под ред. У. Эко; [пер. с итал. А. А. Сабашниковой, И. В. Макарова, Е. Л. Кассировой, М. М. Сокольской]. – М. : Слово/Slovo, 2007. – 456 с.: ил.
5. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. – М. : РОССПЭН, 1998.
6. Полибий. Всеобщая история [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1445001000> (дата обращения: 04.09.2019).

7. Хабермас Ю. Модерн незавершенный проект [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 30.08.2019).

8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. – 2-е изд. испр. – М. : Весь мир, 2008. – 416 с.

9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.

Elena Aleksandrovna Fominykh,

Candidate of Philosophical sciences, associate professor of Philosophy,
Culturology and Art history chair of Russian State Vocational Pedagogical University
(Yekaterinburg)

To the problem of modernity in the context of historical time

The article attempts to interpret Modern times as an epoch reflected on as an individual experience by the example of perceiving historical time. The author singles out some features of time perception presented by Z. Bauman and J. Habermas as specific characteristics of the era of Modern/New Times. The analysis showed that only a part of these time perception characteristics could be referred to the shifts that define the epoch specificity (emergence of vehicles, instruments for time measurement, etc.). The other ones could be taken as a kind of individual experience of modernity, in particular, the intensity of “now” experience which can possibly act as an indicator of major cultural shifts. And a sensation of time as unique and accelerated should be viewed in the context of the “aberration of proximity” as an inclination to overestimate closer-in-time events. There is the necessity to take into consideration an observer's degree of awareness about the events beyond his daily experience, his theoretical instruction including insights into other cultures' history. This is helpful to avoid “aberration of distance” as the underestimation of the past.

Key words: Modern/Contemporary time; Modern times; historical time; individual experience; intensity of “now” experience.